

Стихи о любви

Николай Добронравов

Как молоды мы были

Николай Добронравов

Как молоды мы были

Серия «Стихи о любви (АСТ)»

<https://litres.ru/70067212>

*Как молоды мы были: Издательство АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-161344-0*

Аннотация

<p>Кто не знает песен «Как молоды мы были», «Я не могу иначе...», «Надежда», «Птица счастья», «Мелодия», «Беловежская пуща», «Русский вальс»!..</p> <p>Песни на стихи Николая Добронравова поют по всему миру. Их сделали знаменитыми Муслим Магомаев, Майя Кристалинская, Анна Герман, Валентина Толкунова, Иосиф Кобзон, Лев Лещенко... и конечно, музыка Александры Пахмутовой.</p> <p>Не одно поколение людей выросло на стихах поэта. Сегодня его строчки часто цитируют, даже не задумываясь, кто их автор. Он давно стал любимым и истинно народным поэтом.</p> <p>Книга включила в себя известные и полюбившиеся читателю стихотворения о любви, о дружбе, о жизни. Они отразили разные вехи истории нашей страны прошлого столетия и настоящего.</p>

Содержание

Еще жива родная сторона	6
Время	6
Зачарованная даль	7
Родная сторона	8
Меж Арбатом и Тверской	10
«Я не плыл по Венеции в венценосной гондоле...»	16
Русский вальс	18
Экскурсовод	20
«Встречаю рассветы, встречаю закаты...»	21
Звезды	23
«Ах, как элегантен язык ваш певучий!...»	25
«Ты теряешь, родная, последние силы...»	26
«Мы все – как деревья с опавшей листвою...»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Добронравов

Как молоды мы были

© Н.Н. Добронравов, наследник, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Еще жива родная сторона

Время

Времени нечеткий негатив.
Но Пегас по-прежнему ретив.
Люди на свету или впотьмах, —
время проявляется в стихах.

Наши боль, и мужество, и страх, —
время выражается в стихах.
Велика поэтами Россия.
Велика поэтому Россия.

Зачарованная даль

Нас осталось так немного.
Нас еще томит печаль.
Заповедная дорога,
Зачарованная даль...

Здесь до боли все знакомо.
Здесь родные берега.
И ведет дорога к дому
Сквозь невзгоды и века...

У родимого порога
Снова вишни зацветут...
Здесь все лучшее от Бога.
Здесь меня, как Бога, ждут.

Снова музыка воскреснет.
Оживет лесной рояль...
И воскреснет наша песня —
Зачарованная даль.

Дом родной — края лесные.
Путь домой — и свет, и грусть...
Заповедная Россия,
Зачарованная Русь.

Родная сторона

Здесь, как и встарь, – фасады в три окна...
На всех оконцах – ставеньки резные.
А на опушке ягоды лесные.
Еще жива родная сторона.

Над крышами – сиреневый дымок.
У палисадаюные березы.
А ранним утром так прозрачны росы...
И небосвод по-прежнему высок.

Еще слышны здесь птичьи голоса.
Еще буренка топчется на взгорье.
И кур крадетиз ближнего подворья
из леса забежавшая лиса.

Но сколько здесь уродливых пеньков!
Беспутной жизни множество отметин...
Ручной пилой отрезаны столетья
от нынешних компьютерных годов.

Перевелись и редкие стада.
Стареют и оставшиеся козы.
Разогнаны колхозы и совхозы,
и заплясала в поле лебеда!

Уже подгнили лодки у реки.
В седых сараях притупились косы.
Уже невнятный голос тепловоза
все хуже слышат наши старики.

Не то чтоб нынче бесполезен труд,
а просто здесь крестьянину не светит...
Рванувшие на заработки дети
уже подарков предкам не несут.

Они в недалеком городе живут.
Претит им быт бессмысленный и древний...
Они все точно знают про деревню:
Там не везет! И внуков не везут.

... Но есть один оставшийся родник
в лесу. В глуши. И все ему нейдет.
Он, словно сердце слабенькое, бьется,
он к факту вырождения не привык.

Земля людей оттуда не видна.
Он просто дышит воздухом и волей.
Он хочет к свету вырваться – не боле...
Еще жива родная сторона?

Меж Арбатом и Тверской

Путь земной мой только начат.
Жизнь пока что налегке.
От площадки от Собачьей
жили мы невдалеке.

Двор наш узок был и гулок.
Подворотен волшебство.
Трубниковский переулок —
гавань детства моего.

В той эпохе домуслимовой,
в страшный год тридцать восьмой
возле лавки керосиновой
я стоял на Поварской.

И с наполненным бидончиком
я домой к себе бежал,
в кухню, к примусу с поддончиком,
в свой родной полуподвал.

Рядом был Союз писателей,
тут он был, на Поварской.
И тогда уже не ладили
гении между собой.

Молодые все, да ранние...
Был Корней еще не стар.
И просящий подаяния
чуть подвыпивший Гайдар.

А когда бежал из школы,
как всегда – к себе в подвал,
дядю Степу Михалкова
на углу я повстречал.

И чуть-чуть уже кумекая,
пристрастившийся читать,
прибегал в библиотеку я
с другом книги выбирать.

Мы любимся обложками.
Постигаем Имена.
Всех путевыми дорожками
нас вела Читай-страна.

После школы были вузы.
Даже два. Театр. Эфир.
Я в юнцах на сцене ТЮЗа
был хорош вполне и мил...

Много ль надо человеку,
что в те годы возникал?
Я свою библиотеку
по крупницам собирал.

С детства рифмой звонкой ранен,
собирал не все подряд.
Блок, Крученых, Северянин
до сих пор в шкафу стоят.

И все чаще в эту пору
те стихи я вспоминал,
что в трамваях, в коридорах
между делом сочинял.

Но в начале литработы
стал я сразу понимать:
стих – забава. Надо что-то
посерьезней сочинять.

К нашей пьесе самой первой
долго шли с Сережей мы.
Наконец, сбылась премьера
с режиссером Деммени.

Это было в Ленинграде.
А в Москве уже потом
стали пьесы наши ставить
в каждом клубе городском.

Я к писательству де юре
был тогда еще в пути.
Был тогда в литературе,

как в театре – травести.

Правда, книги издавались —
проза, сказки для детей.
А стихи... Те оставались
страстью тайною моей.

Ах, тогда, в шестидесятых,
моден был нелегкий труд.
Сколько фильмов было снято
тех, что до сих пор живут.

Сколько песен было спето
тех, что в сердце мы храним.
Был лучом любви и света
ослепительный Муслим!

Я как будто бы очнулся.
Мир открылся мне иной...
Робко к песне прикоснулся,
к песне детской, озорной.

Оказался не статистом
я на песенной стезе.
Стал поэтом и артистом
я в те годы в ДЗЗе¹.

Появлялся в альманахах...

¹ Дом звукозаписи. – Примеч. авт.

Первый сборник... И второй...
Стал входить почти без страха
я в СП на Поварской.

На судьбу свою не сетовал,
среди великих – не изгой.
Как внимательно беседовал
Юрий Трифонов со мной!

Здесь встречался я с элитой.
И меня без лишних слов
привечали знаменитые
Смеяков, Гамзатов, Львов!

Ах, с годами все отчетливей
свет и тени прошлых лет!
Громы-звоны не умолкли
поражений и побед.

Пусть за дальними широтами
необъятная земля,
за Никитскими воротами
состоялась жизнь моя.

Пусть изъезжено немало,
но они навек со мной —
эти несколько кварталов
меж Арбатом и Тверской.

Этот малый круг московский —
центр земли в моей судьбе.
Переулок Трубниковский,
низко кланяюсь тебе!

Годы детства. Песни ранние.
Все я в сердце берегу.
... Снова с площади Восстания
я с бидончиком бегу.

Но в эпохе постмуслимовой
на родной, на Поварской
нету лавки керосиновой
и СП – полупустой...

Жизнь повсюду стала круче.
В ЦДЛ одна беда:
рестораны стали лучше,
книги хуже, чем еда.

«Я не плыл по Венеции в венценосной гондоле...»

Я не плыл по Венеции в венценосной гондоле.
И салонно в Салониках я в порту не скучал.
Ранним Римом раним я. И Боливией болен.
И гостиница в Ницце снится мне по ночам.
В наше время парижи и доступней и ближе,
сто туристских круизов разгоняют печаль.
Что поделаешь, – жаль, что я не был в Париже,
что, полжизни прожив, не видал Этуаль,
что индейца с мачете я не встречу под вечер,
не впишусь элегантно в экзотичный экспресс
где-нибудь в Эльдорадо, что со мной не щебечут
на борту «Каравеллы» королевы небес.

... Зато я помню первые бомбежки,
как шли мы парами с учителем в подвал,
и корешок мой – Щепетов Сережка —
мне полкусочка черного отдал.
Что говорить: «Я это не забуду!» —
и стоит ли те беды ворошить...
Но это все не выдумка, не чудо,
а чудо то, что мы остались жить,
что мирным небом с той поры мы дышим,
что сильный вправе забывать о зле.

А тот солдат, что спас Россию, выше
всех Триумфальных арок на земле...

Русский вальс

Песня-печаль. Дальняя даль.
Лица людей простые...
Вера моя, совесть моя,
Песня моя – Россия.
Время дает горестный бал
В Зимнем дворце тоски.
Я прохожу в мраморный зал
Белой твоей пурги.

Жизнь моя – Русь. Горе и грусть.
Звезды твои седые...
Издалеко я возвращусь
Песней твоей, Россия.
Все позабыв и не скорбя,
Можно прожить вдали...
Но без тебя, но без тебя
Нет у меня любви.

Вешних лугов, праведных слов
Буду беречь ростки я.
Вера моя, удадь моя,
Песня моя – Россия.
Время дает горестный бал
В Зимнем дворце тоски.
Я прохожу в мраморный зал

Белой твоей пурги.

Русский вальс – трепетный круг солнца и выюг.

Милый друг, вот и прошли годы разлук...

Милый друг, вот и пришли годы любви...

Русский вальс, нашу любовь благослови!

Экскурсовод

В городе Кириллове, там, за Белым озером,
где из тьмы истории Родина встает,
смысл поэмы каменной сообщает в прозе нам
тоненькая девочка – наш экскурсовод.

Подкупает речь ее не умом – сердечностью.
Нас проводит девочка и уходит в ночь,
добрая от Родины, от общения с вечностью,
тихая в бессилии прошлому помочь, —

этим фрескам радужным, гибнущим от сырости,
той стене порушенной, что была крепка.
Строил это празднество зодчий Божьей милостью
в те века, где строили храмы на века.

Двор, забитый мусором. Пруд, заросший ряскою.
Беглыми туристами разрисован скит.
Тоненькая девочка с тоненькой указкою,
словно образ Родины, сердце мне щемит...

«Встречаю рассветы, встречаю закаты...»

Встречаю рассветы, встречаю закаты,
как самые светлые Божьи дары.
Дыханием вечности небо объято,
и нас еще терпят иные миры.

Читаю рассветы, читаю закаты
в священном писанье российской земли,
где главы увили виньетки пернатых,
листки манускриптов – в дорожной пыли.

Листаю рассветы, листаю закаты,
листаю овраги, луга и леса.
Лишь это одно – непреложно и свято.
Лишь это – извечная наша краса.

И мы выбираем себе Геростратов.
И наши вожди в нашей русской глуши
сжигали рассветы, сжигали закаты
наивной доверчивой нашей души.

Простите рассветы, простите закаты
за злые деянья ничтожных людей,
за все бесконечные наши растраты

природных богатств и небесных идей.

Звезды

Звезды над планетой. Над Россией.
Звезды Вифлеема. Дар волхвов...
Звезды человечеству светили
столько лет бессвязных и веков.

Серебром и золотом, и медью
светятся над нами в час ночной
вечные холодные созвездья,
нашей не встревожены судьбой.

В них еще живут воспоминанья,
как на землю русичи пришли,
как волну нашествий и страданья
прадеды мои перенесли.

Звезды знают: в мире у народа,
как земля, вращается судьба.
Воля. Рабство. И полусвобода.
Радость. Всенародная беда.

Нет сейчас ни святости, ни пользы.
Всё мы научились продавать.
Тусклые коммерческие звезды
Начали над родиной мерцать.

Звезды – боги вечного молчания —
смотрят в наши будущие дни.
Мудрые небесные создания, —
что нам напророчили они?

Звезды нам по-разному светили.
Только без значенья – никогда.
Гаснет над великою Россией,
гаснет путеводная звезда.

«Ах, как Элегантен язык ваш певучий!...»

Ах, как элегантен язык ваш певучий!
О, как необычна гортанная речь!
Не выберешь в мире язык самый лучший,
но каждую речь надо свято беречь.

Все больше на шаре земном полиглотов.
Все легче становится нам разглядеть
и тонкости речи различных народов,
и самых различных словес круговерть.

Вот этот язык – он такой безмятежный,
как будто здесь жизнь без забот и затей.
А этот – заумный, а этот – небрежный,
а это – язык для бездушных идей.

Английский – в фаворе. Он четок и гладок.
Испанская речь до чего ж хороша!
В китайских словах – миллионы загадок.
И только у русского слова – душа.

«Ты теряешь, родная, последние силы...»

Ты теряешь, родная, последние силы.
Мы уже не спасем тебя. Не укрепим.
Мы пришли попрощаться с тобою, Россия,
с бледным небом твоим, с черным хлебом твоим.

Мы не будем стремиться к богатым соседям.
Не прожить нам без ласки слезящихся глаз...
Никуда не уйдем. Никуда не уедем.
Ты сама потихоньку уходишь от нас.

Мы стоим пред тобой в современных одеждах, —
космонавты и братья мои во Христе.
Ты была нашим предкам столпом и надежей.
В мире не было равных твоей широте.

Ты была, наша мать, небогатой и честной.
И не зря же ты в муках на свет родила
знаменитых царей и героев безвестных,
и неслась в новый мир, закусив удила.

Так за что же тебе выпадали мученья?
Зарубежный альков и щедрей и теплей...
Очень страшно семье, если нет продолженья.

У России почти не осталось детей...

Свиньи чавкают, в храм водрузивши корыто.
И рыдают солдатки у афганской черты.
Васильковое небо зарыто, закрыто
черным облаком смога, свинца, клеветы.

Так чего же мы ждем? Для чего мы хлопочем?
И зачем по инерции смотрим вперед?
Ты прислушайся: мы пустотою грохочем.
Присмотрись: вместо поезда выюга идет.

... Вот мы все собрались на последней платформе.
Осквернен наш язык... Уничтожен наш труд.
Только там, под землею, останутся корни.
Может быть, сквозь столетья они прорастут.

«Мы все – как деревья с опавшей листвою...»

Мы все – как деревья с опавшей листвою.
Печать нынче хуже и бомб, и свинца...
Убили повторно Гастелло и Зою.
Народ без героя. Страна без лица.

На трассе ухабистой нет разворотов.
Сужается нашей судьбы коридор.
На кладбище бывших советских заводов –
сплошная разруха. Позор и разор.

Лишили учащихся зренья и слуха.
Лишили рабочего права на труд.
В верхах – показуха. В эфире – чернуха.
Порнуха – рекламный коммерческий блуд.

В лампаде огонь благодатный погашен.
Забыли Иисуса и Бога-отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.